

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КЕТСКОГО И ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Анализируются случаи переключения и смешения кодов в речи кетско-русских и эвенкийско-русских билингвов. Выделяется несколько структурных типов переключения кода и выдвигаются гипотезы относительно их коммуникативного и психолингвистического статуса.

Ключевые слова: кетский язык, эвенкийский язык, билингвизм, кодовые переключения, смешение кодов, морфосинтаксис.

В современных кетских и эвенкийских поселениях все немногочисленные говорящие на сибирских языках владеют также и русским языком. В связи с этим в речевой деятельности даже полноценных носителей малых языков регулярно происходит смена кода как в рамках текста, так и в рамках одного предложения. В настоящей статье будет анализироваться прежде всего структурный аспект данного явления. Однако нельзя оставить без внимания, что специфические свойства речи билингва являются следствием социо- и психолингвистической ситуации двуязычия в процессе языкового сдвига и исчезновения языка коренного населения. Важна также и коммуникативная ситуация общения с русскоговорящим лингвистом, которая отражается на поведении говорящего. Все эти аспекты также интересны для анализа в рамках социо- и психолингвистического подходов, они позволяют ответить на вопрос «почему происходит переключение кода?». Однако в данной работе нас более будет интересовать ответ на вопрос «как оно происходит?». На материале конкретных текстов мы покажем, что продукт речевой деятельности билингва может иметь различные структурные характеристики и затрагивать различные уровни языка.

Во многих языках народов Севера¹ происходят похожие с социолингвистической точки зрения процессы – языковой сдвиг в прежде (около ста лет назад) монолингвистическом комьюнити за счет вытеснения исконного языка русским. Для различных языков данный процесс находится в различной стадии: от уменьшения числа носителей среди младших поколений до практически полного исчезновения языка. Важным моментом является то, что все языки, находящиеся под угрозой исчезновения, проходили стадию стопроцентного билин-

гвизма членов языковой общности. В нашем исследовании мы как раз изучаем продукты речевой деятельности билингвов, хорошо владеющих как родным, так и русским языком. Исследование проводится на материале разноструктурных языков, находящихся при этом на примерно одинаковом этапе языкового сдвига: кетском и эвенкийском. И там и там полноценными носителями языка являются только немногочисленные представители старшего поколения². Нами анализировались 6 кетских³ (п. Келлог, д. Мадуйка, д. Сургутиха), 4 эвенкийских текста⁴ (стойбища Туруханского района Красноярского края и п. Полигус Эвенкийской АО Красноярского края), записанные в ходе экспедиций научной группы под руководством О. А. Казакевич в 2005–2006 гг. При этом анализируемые тексты собраны у полноценных носителей родного языка (представители среднего и старшего поколения: 45–85 лет).

Важна также и жанровая принадлежность текстов. В силу практического отсутствия спонтанной коммуникации на родном языке среди кетов и эвенков при анализе приходится довольствоваться лишь текстами, записанными в ходе сеанса работы русскоговорящего лингвиста с информантом. Такая коммуникативная ситуация откладывает отпечаток на речевое поведение билингва, так как в коммуникативной ситуации с участием коммуниканта, владеющего только одним из языков, он старается быть понятым и невольно переходит на язык, общий с партнером по коммуникации. Однако используемые нами тексты – рассказы о жизни – обладают рядом достоинств по отношению к другим типам текста. Главное, что рассказ о жизни – это непрецедентный нарративный текст, а значит, он, с одной стороны, менее подвержен влиянию коммуникативной ситуации, чем,

¹ Об условности данного понятия см [1].

² Для эвенкийского языка социолингвистическую ситуацию стоит рассматривать для каждого диалекта отдельно, так как у них велика как социолингвистическая, так и структурная дифференциация.

³ Исследуются тексты на всех трех диалектах кетского языка: северном, среднем и южном.

⁴ В работе представлены тексты на полигусовском говоре подкаменно-тунгусского диалекта южного наречия и на совречинском говоре северного наречия эвенкийского языка. В дальнейшем, говоря об эвенкийском языке, мы будем иметь в виду именно данный говор.

например, диалог с русскоговорящим собеседником, а с другой – менее склонен к консервации и жестким жанровым канонам, а значит, лучше отражает актуальное состояние речи билингва.

Исследование кодовых переключений мы будем проводить не в рамках текста, а в рамках одного предложения. То есть нас будут интересовать переходы с одного языка на другой не на стыках, а внутри одного предложения¹. Здесь стоит обратиться к терминологии, связанной с переключением с одного языка на другой. Важно различать такие понятия, как родной язык, матричный язык и языковая пара реципиент – донор. Понятие родного языка является понятием социо- и психолингвистическим и связано с самоидентификацией носителя или комьюнити². Это понятие не может использоваться при структурном анализе продуктов речевой деятельности билингвов. Понятия языка-донора и языка-реципиента могут использоваться не только в социолингвистическом, но и в структурном аспекте. Однако эти термины предполагают изначально неравное положение двух используемых языков. В то же время в ситуации той стадии языкового сдвига, которую мы анализируем, говорить о доноре и реципиенте не приходится, так как мы наблюдаем не процессы влияния более нового для комьюнити и для конкретного билингва языка на речевое поведение на базовом языке, а конкуренцию двух равных по степени владения языков. Другими словами, мы не можем определить изначально для анализируемого текста, какой из языков в нем является языком-донором, а какой языком-реципиентом. В своей работе мы используем понятие матричного языка, которое употребляется не по отношению ко всему тексту, а лишь на сфере предложения.

Нам представляется, что при анализе билингвальных текстов наиболее приемлемым является использование термина «матричный язык» (МЯ). Лингвистами предлагалось несколько методов определения матричного языка (см. [3]). В данной работе мы понимаем под матричным такой язык, который определяет синтаксические и морфологические особенности организации предложения. Понятие матричного языка, как было сказано выше, будет использоваться нами исключительно в рамках одного предложения. Таким образом, внутри одного текста могут быть предложения

с разными матричными языками. Кроме того, как будет показано ниже, бывают случаи, когда даже в рамках одного предложения сложно выделить один матричный язык как в силу несинтаксичности понятия предложения в устной речи, так и в силу возможного смешения кодов внутри одного слова или составляющей. В таком случае мы будем говорить о смешении матричных языков. Таким образом, в речи билингва мы будем выделять три основных типа предложений:

МЯ 1 – смешение МЯ 1 и МЯ 2 – МЯ 2.

Стоит отметить, что данное деление нельзя назвать строгим, так как даже в случае выделения одного из языков в качестве матричного в предложении могут появляться единицы другого, однако в отличие от ситуации смешения кодов они не влияют на синтаксические свойства всего предложения.

Важно также сделать еще одно замечание. Вопрос о смешении или переключении кодов может рассматриваться на лексическом или грамматическом уровне. В первом случае речь идет о закрепленных в языке или окказиональных заимствованиях, во втором – влияние одного языка на другой не ограничивается лексикой, но также влияет и на морфологию и/или синтаксис языка. Другая ось, по которой проходит различие между процессами смешения кодов, – это вопрос о степени освоенности и частотности того или иного явления из области переключения/смешения кодов. Так, мы можем наблюдать полностью освоенные языком А лексические заимствования или синтаксические кальки из языка В, а можем – спонтанное и окказиональное переключение кодов в речи конкретного билингва.

Однако снова стоит подчеркнуть, что между этими двумя выделяемыми классами языковых и речевых средств трудно провести четкую границу, в особенности для языков с малым количеством носителей. Зачастую окказиональное заимствование может превратиться в устойчивое явление языка, распространяясь из речи одного носителя на речь других говорящих – на языке, особенно если носитель, использовавший заимствование, обладает высоким социальным статусом в языковом сообществе³.

¹ Проблема выделения единицы предложения в разговорной речи хорошо известна. Предложение в данной работе мы будем выделять не по строго синтаксическим критериям, а по интонационным [2]. В синтаксическом смысле в таком случае в наше поле зрения попадут единицы от неполных составляющих до сложного предложения.

² При анкетировании коренного населения кетских и эвенкийских поселков родным часто назывался соответственно кетский или эвенкийский язык теми, кто языками не владеет.

³ Или, например, обладает определенными полномочиями в вопросе регулирования литературного языка, что верно для больших литературных языков, например арабского или персидского.

В современной лингвистике проводились неоднократные попытки классификации грамматических процессов при смешении языков. Одним из последних является исследование Питера Мюйсена [3]. В нем предлагается следующая классификация типов переключения кодов:

- вставка (insertion): включение слова или составляющей языка В внутрь составляющей языка А;
- чередование (alternation): смена независимых составляющих языков А и В внутри предложения;
- конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization): заполнение совпадающей в языках А и В синтаксической структуры элементами из обоих языков.

Интерес также представляет типологизация глагольных заимствований, проведенная Яном Вольгемутом [4]. Проведенное им исследование дает более подробную классификацию процесса, который Мюйсен относит к типу вставки. Однако внимание Вольгемута сосредоточено на лексически закреплённом и окказиональном заимствовании исключительно глагольных основ. Согласно его классификации, существуют следующие типы включения глаголов языка В в текст на языке А:

- прямая вставка (direct insertion): вставка глагола без дополнительных маркеров;
- непрямая вставка (indirect insertion): вставка вместе с вербализатором на языке А;
- сочетание со вспомогательным глаголом (light verb strategy): использование вместе со вспомогательным глаголом на языке А;
- семантическая вставка (semantic borrowing): калькирование средствами языка А глагола языка В;
- вставка парадигмы (paradigm insertion): заимствование глагола вместе со словоизменительной морфологией.

Ниже мы проанализируем встречающиеся в кетских и эвенкийских текстах типы переключения/смешения кодов с учетом этих классификаций.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности проанализировать все примеры кодовых переключений, встретившиеся в анализируемых текстах. Мы ограничимся только единицами, которые являются предикатами в языке А или в языке В.

Наиболее простым случаем является включение одной основы языка В в язык А. В нашем случае речь идет исключительно о включении русских глагольных основ в предложения на кетском или эвенкийском языках. Употребление кетских и эвенкийских глагольных основ в предложении, где матричным является русский язык, нам не встретилось.

К этому типу можно отнести и старые, освоенные заимствования русских глагольных основ. Од-

нако в связи с длительностью контактов с русским языком эти исходно русские основы достаточно прочно вошли в лексический состав языка коренного населения и не воспринимаются как изначально русские. Можно сказать, что в случае полностью освоенных заимствований мы имеем дело с кодовым переключением только как с диахронным явлением, а на синхронном уровне изначально русские слова можно считать частью матричного кода.

(1) кет.

qa: qu's' tiye (d)-lobet-o-l-bet-Ø
 дома чум внутри S1-**работа**-T.PST-PST-делать-S.SG
 «Дома, в чуме внутри **работала**».

Однако вставка русских глагольных основ происходит и в случае спонтанного переключения кода. При этом важно, что русская основа используется без словоизменительных показателей, а все словоизменительные маркеры берутся из матричного языка.

При этом в эвенкийском языке происходит прямая вставка в терминах Вольгемута, т.е. словообразовательные и словоизменительные показатели навешиваются непосредственно на русскую основу¹:

(2) эвенк.

bī d'ūdūji ub'iraj-di-ŋnə-m
 1SG.NOM дома **убирать**-IPFV-HAB-1SG
 «Я дома **убираюсь**».

Подобная же стратегия используется в кетском языке только в нефинитных позициях, когда русская основа заменяет неизменяемую основную форму кетского глагола:

(3) кет.

uči'ca es'aŋ at
учиться чтобы 1SG
 b-anuŋ-Ø-diŋa bən's'aŋ
 1SG.POSS-ум-SG-DATALL.NM.SG не.иметься
 «Чтобы **учиться** у меня ума нет».

В позиции глагола учиться мог бы находиться кетский инфинитив.

Однако в финитных формах в кетском языке используется другая стратегия оформления иноязычной основы – с помощью инкорпорации в глагол со значением «делать».

(4) кет.

at kis'aŋ d-uč'ica-o-l-bet-in
 1SG здесь S.1-**учиться**-T.PST-PST-делать-S.PL
 on s'yu-n dugde
 семь год-PL в.течение

«Я здесь училась в течение семи лет».

Подобный способ грамматического освоения глагольных вставок не соответствует ни одному типу, выделяемому Вольгемутом. Глагол *bet* нельзя считать, с одной стороны, морфологическим

¹ В эвенкийском языке для заимствований используются формы императива.

вербализатором, а с другой – вспомогательным глаголом в аналитической конструкции.

Коротко стоит сказать о причинах появления такого типа переключения кода. В случае русских вставок в малый язык это связано с отсутствием в матричном языке соответствующего глагольного значения или же с индивидуальной некомпетентностью говорящего, не знающего существующую лексему.

Другим легко выделяемым типом кодовых переключений является чередование независимых составляющих в разных языках. В этом случае в предложении нельзя выделить один матричный язык, так как два языка используются независимо друг от друга.

Одним из самых распространенных случаев является дублирование синонимичных составляющих в двух языках.

(5) кет.

<i>zimoj oxotilas'</i>	<i>oj</i>	<i>at</i>	<i>kə: t</i>
зимой охотилась	ой	1SG	зимой

d-assanno-o-n-bet-Ø
S.1-охотиться-T.PST-PST-делать-S.SG

«Зимой охотилась, ой, я зимой охотилась».

(6) эвенк.

<i>tuk=dā</i>	<i>kurales'im jed'em</i>	<i>hə-hə</i>
так=FOC	куролесим едем	LAUGH

ɲəpə-d'ə-ɲpə-rə-wun
ехать-IPFV-НАВ-NFUT-1PL.EXCL

«Так куролесим, едем, хе-хе, едем».

Причины появления подобного рода дублирования чаще всего связаны с коммуникативной ситуацией общения с лингвистом. В обоих приведенных примерах информант переходит с более привычного в повседневном общении русского языка на родной по причине договоренности с лингвистом об использовании родного языка, а не по естественным причинам быть понятым.

Иногда русским дублируется только часть информации, выражаемой морфологически в финитном глаголе. В данном случае русское *давай* усиливает императивное значение эвенкийского глагола, что, в принципе, можно было рассматривать не как чередование, а как смешение кодов.

(7) эвенк.

<i>davaj d'u-lā-wər</i>	<i>mōtyt-kōn-mə</i>
давай чум-LOCALL-RFL.PL	лосенок-DIM-ACCD

suru-w-wot
уйти-CAUS-IMP.1PL.INCL

«Давай (к нам) домой лосенка уведем».

Часто, как отмечается в [3], чередование кода происходит при появлении метатекстовых высказываний. В кетских и эвенкийских текстах это также часто встречается. Можно предположить, что переключение на русский язык в таких случаях свидетельствует о том, что внутренняя речь и

мышление информанта происходят не на родном, а на русском языке.

(8) кет.

<i>qak</i>	<i>qak</i>	<i>celkovyx</i>	<i>bat</i>
пять	пять	целковых	DISC

d-kaj-b-n-em-Ø *keʔt*

A1.3M-взять-ОЗ.SG.TH-PST-LV-A1.SG человек

<i>qak</i>	<i>rublej</i>	<i>kim</i>	<i>p'at'</i>	<i>rublej</i>	<i>pe</i>
пять	рублей	тогда	пять	рублей	HEZ

tam p'at'des'at rublej ja zabyła uže
или пятьдесят рублей я забыла уже

«Пять, пять целковых, взял человек пять рублей тогда пять рублей тогда, пя..., или пятьдесят, я забыла уже».

(9) эвенк.

<i>ɲinaki-r-wə</i>	<i>akazyvajica</i>
собака-PL-ACCD	оказывается

aha-ktə-d'ə-čə *bi-čə* *mō-tə*
гнать-DSPRS-IPFV-PANT быть-PANT палка-INSTR

«Собака, оказывается, (он) гонял палкой».

К этому же типу относится употребление русского языка для введения прямой речи на родном языке.

(10) кет.

<i>uk</i>	<i>aks'</i>	<i>ətəwu</i>	<i>on</i>	<i>govorit</i>
2SG	что	живой	он	говорит

«Ты что, живой, – он говорит».

Более сложный случай представляет собой ситуация смены кода на границах простых предложений в составе сложного.

(11) кет.

<i>d-id-ni-baq-Ø</i>	<i>tude-as'</i>
A.3-ОЗ.3F.SG-PST-находить-A.SG	TOT-INSTR

počarapal
поцарапал

«Нашел (белку) и этим поцарапал».

(12) кет.

<i>turuhansk-diŋal</i>	<i>iriŋ</i>	<i>d-ig-i-n-bes-Ø</i>
туруханск-ABL.NM.SG	письмо	S.3-сюда-EP-PST-идти-S.SG

<i>č'to</i>	<i>u</i>	<i>nas</i>	<i>ser'oška</i>	<i>rodils'a</i>
что	у	нас	сережка	родился

«Из Туруханска письмо пришло, что у нас Сережка родился».

Еще более сложно выделить матричный язык в ситуации грамматического смешения кода. Речь идет о ситуации, когда в результате смешения кодов появляется новая морфосинтаксическая структура, не принадлежащая полностью ни одному из языков. В [3] такое смешение кодов не выделяется в отдельный тип, однако анализ конкретного языкового материала показывает, что подобное явление нельзя считать ни вставкой, ни чередованием кодов. Конгруэнтная лексикализация, которая, на первый взгляд, могла бы объяснить явление грамматического смешения, при ближайшем рассмотрении не подходит, так как в предложениях со

смешанной грамматикой не используется похожая синтаксическая структура двух языков, а создается новая на базе грамматических элементов этих языков. Предварительно можно предположить, что причины такого смешения кодов лежат в области языкового мышления информанта, одинаково владеющего обоими языками, но не способного осознанно разделить их в речи.

В частном случае такое смешение может проявиться уже в рамках одного глагола, когда грамматическая информация в максимальной степени дублируется.

(13) кет.

kartoš-n bat (d)-sadili-o-l-bet-n
картошка-PL DISC S.1-сажали-Т.PST-PST-де-
лать-S.PL

«Картошку (мы) сажали».

В рамках данной статьи нет возможности не только привести все встретившиеся в тексте примеры подобного смешения кодов, но даже подробно рассмотреть каждый из приводимых примеров. Важно отметить, что в случае грамматического смешения переключение кода происходит внутри одной составляющей, однако выделение матричного языка в предложении невозможно, так как его морфосинтаксические свойства определяются обоими языками.

(14) эвенк.

i halwa-tin omōn-ə-w
и половина-3PL оставить-NFUT-1PL.EXCL
mal'en'ko sušit'
маленько сушить

«И половину оставили **маленько сушить**».

(15) эвенк.

ollo-wo-to nadojelo ollo-wo
рыба-ACCD-FOC **надоело** рыба-ACCD
d'ep-d'e-mi
есть-IPFV-CVCOND

«Рыбу-то **надоело** рыбу есть».

(16) кет.

saŋ-bet ben nado
искать-делать NEG **надо**
«Искать не **надо**».

(17) кет.

qæn-aŋ četyre nado nado
кубометр-PL **четыре** **надо** **надо**
d-harej-Ø-l-bet-Ø

A.3-пилить-O.3SG.TH-PST-делать-A.SG

«**Четыре** кубометра **надо** **надо** пилить».

(18) кет.

tude at konč'at di-o-l-bet-Ø
тот 1SG **кончать** S.1-Т.PST-PST-делать-S.SG

«Я это (школу) **кончил**».

Представленный в статье краткий обзор типов кодовых переключений в речи русско-кетских и русско-эвенкийских билингвов показывает, что переключение кода в тексте может иметь совершенно разную структурную природу. Мы можем выдвинуть гипотезу о том, что структурные различия типов кодовых смешений обусловлены разными психолингвистическими, прагматическими, коммуникативными факторами, исследование которых в их связи со структурным проявлением кодовых смешений еще только стоит изучить.

Список литературы

1. Вахтин Н. В. Языки народов Севера в XX веке. СПб., 2001.
2. Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.
3. Muysken P. Bilingual Speech a Typology of Code Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
4. Wohlgenuth J. Typology of verbal borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Галямина Ю. Е., кандидат филологических наук, младший научный сотрудник.

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. Ломоносова.

Ленинские горы, Москва, Россия, 119899.

E-mail: jugjug@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

Y. E. Galyamina

STRUCTURAL TYPOLOGY OF CODE-SWITCHING IN THE TEXTS IN ENDANGERED LANGUAGES (ON THE KET AND EVENK DATA)

In the article the author analyzes code-switching and code-mixing in the Ket and the Evenk texts. Several structural types of bilingual code-switching are distinguished. The researcher hypothesizes about communicative and psycholinguistic nature of the phenomena.

Key words: *Ket, Evenk, bilingualism, code-switching, code-mixing, morphosyntax.*

Lomonosov Moscow State University.

Leninskiye Gory, Moscow, 119899.

E-mail: jugjug@yandex.ru